

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Согоян Д.П. Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия // Юридические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75664 EDN: XOOBCY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75664

Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия**Согоян Диана Паргевна**

аспирант; кафедра предпринимательского и корпоративного права; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

123242, Россия, г. Москва, Пресненский р-н, ул. Садовая-Кудринская, д. 9 стр. 1

✉ sogoyan99@yandex.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.8.75664

EDN:

XOOBCY

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступает комплексный анализ правовой природы и юридического статуса кредиторского сообщества в рамках процедуры банкротства. Автор последовательно обосновывает тезис о том, что данное образование обладает всей совокупностью универсальных признаков, характерных для полноценного субъекта права. В работе проводится детальный критический анализ сложившейся в научной доктрине и правоприменительной практике редукционистской позиции, которая сводит сущность кредиторского сообщества к узкой, ограниченной модели гражданско-правового сообщества. Путем глубокого сравнительно-правового анализа доказывается его принципиальное отличие от классических конструкций юридического лица и простого товарищества, что указывает на его уникальную, не сводимую к существующим формам правовую природу. Центральным вопросом, таким образом, является проблема адекватного законодательного признания его особой правосубъектности. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-юридический,

сравнительно-правовой, метод системно-структурного анализа, а также методы правового моделирования и интерпретации правовых норм. Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании концепции законодательного признания кредиторского сообщества в качестве самостоятельного субъекта права *sui generis* («особого рода»). В качестве ключевого механизма реализации его правосубъектности предлагается установление принципа единства воли сообщества. Этот принцип предполагает установление монополии его органов на инициирование требований, существенно влияющих на формирование конкурсной массы (например, оспаривание сделок должника, предъявление требований о привлечении к субсидиарной ответственности), при одновременном введении обязательного досудебного фильтра для проверки инициатив, исходящих от индивидуальных кредиторов. В работе анализируются как микроуровневые последствия данного признания (повышение эффективности и скорости процедуры, снижение злоупотреблений), так и макроправовые (совершенствование всего института несостоятельности, оперативный выход на реструктуризацию). Основной вывод заключается в том, что законодательное закрепление данного статуса кредиторского сообщества не только отражает объективную правовую реальность, но и создаст прочную основу для сбалансированной и последовательной модернизации российского института банкротства.

Ключевые слова:

банкротство, кредиторское сообщество, правосубъектность, собрание кредиторов, юридическое лицо, простое товарищество, субъект права, гражданско-правовое сообщество, обособленное имущество, конкурсная масса

Введение

В рамках процедуры банкротства кредиторы, несмотря на дифференциацию характера и объема предъявляемых требований, демонстрируют выраженную тенденцию к консолидации, действуя в качестве единой группы^[1, с. 512]. Данное единство предопределено общей целевой направленностью их действий – обеспечение надлежащего формирования конкурсной массы и последующее удовлетворение своих имущественных притязаний^{[2, с. 94][3, с. 45]}. В этом аспекте правомерно констатировать формирование специфического объединения лиц – кредиторского сообщества^{[4][5, с. 124]}.

Правовая природа указанного сообщества остается недостаточно исследованной в доктринальных источниках. Существующие научные труды, в которых косвенно затрагивается феномен кредиторского сообщества, преимущественно редуцируют его сущность до модели гражданско-правового сообщества. Данный вывод конструируется, главным образом, на основе буквального толкования п. 2 ст. 181.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), где кредиторы при банкротстве рассматриваются как участники гражданско-правового сообщества. Так, в трудах Гаевского С.В. проводится аналогия между сообществом участников реструктуризации финансовых организаций (RSA) и гражданско-правовым сообществом кредиторов должника со ссылкой на указанную норму ГК РФ^[6, с. 12]. Аналогично Кресс В.В. включает кредиторов в процедуре банкротства в объем понятия гражданско-правового сообщества как юридической категории, апеллируя к положениям статей 181.1 и 181.2

ГК РФ^[7, с. 4].

Между тем, критический анализ нормативной базы позволяет выявить существенную ограниченность такого подхода. Глава 9.1 ГК РФ, содержащая статьи 181.1 и 181.2, посвящена исключительно вопросам принятия решений собраниями. Пленум Верховного Суда РФ в своих разъяснениях (п. 103 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 25)) прямо отождествляет собрание с гражданско-правовым сообществом, определяя последнее как группу лиц, компетентных принимать решения. Следовательно, позиция отечественного законодателя, а вслед за ним и высшей судебной инстанции, сводит понятие гражданско-правового сообщества применительно к банкротству исключительно к собранию кредиторов как органу, наделенному правом принятия решений.

Этот узкий конструкт не охватывает всей полноты феномена кредиторского сообщества. В его состав, помимо кредиторов, обладающих правом голоса на собрании (в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)), также включаются и иные кредиторы. Речь, в частности, идет о субординированных кредиторах (лишенных права голоса на собрании кредиторов, как это следует из п. 14 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) и зареестровых кредиторах (чьи требования не включены в реестр, как предусмотрено абз. 1 п. 4 ст.142 Закона о банкротстве). Ключевым аспектом является то, что, несмотря на формальное отсутствие права голоса на собраниях кредиторов, указанные кредиторы обладают статусом лиц, участвующих в деле о банкротстве, и сохраняют имущественный интерес в его исходе. Их требования, пусть и с определенными ограничениями в процедурных правах, подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве и оказывают влияние на общий его ход (на это особенно указывает позиция Верховного Суда РФ, содержащаяся в определении от 30.06.2025 № 307-ЭС22-25636 (6) по делу № А66-10018/2021, который отметил, что для прекращения дела о банкротстве требуется удовлетворение всех требований, включая субординированных кредиторов), что неоспоримо свидетельствует об их принадлежности к кредиторскому сообществу.

Таким образом, обозначенный пробел в определении правовой сущности кредиторского сообщества предопределяет настоятельную необходимость его глубокого научно-теоретического осмысления и комплексного правового анализа.

1 . Кредиторское сообщество как носитель универсальных признаков субъекта права

Отталкиваясь от установленной необходимости анализа правовой природы кредиторского сообщества, отправной точкой настоящего исследования избирается не ретроспективный обзор всей массы доктринальных взглядов на понятие субъекта права, а анализ его фундаментальных, универсальных признаков, выработанных общей теорией права и цивилистикой. Целью является проверка гипотезы о том, что кредиторское сообщество в процедуре банкротства обладает совокупностью таких признаков, позволяющих рассматривать его как особого носителя свойств субъекта права.

Прежде чем приступить к определению универсальных признаков субъекта права,

необходимо признать фундаментальный тезис об исторической и концептуальной подвижности самой категории правосубъектности. Как обоснованно подчеркивал Шершеневич Г.Ф., правосубъектность, подобно многим иным правовым конструкциям, «подвержена историческим колебаниям»[\[8, с. 578\]](#). Эта изменчивость отражает эволюцию общественных отношений и правопонимания. Более того, как верно констатирует Лаптев В.А., даже в современной правовой доктрине отсутствует абсолютное единство в категориальном аппарате, используемом для определения способности лица к участию в правоотношениях. Учеными активно применяются различные, зачастую пересекающиеся, но не всегда тождественные понятия: «правоспособность», «правосубъектность», «дееспособность», «деликтоспособность» и др.[\[9, с. 42\]](#).

Однако, несмотря на отмеченную историческую изменчивость и терминологическую полифонию, в юридической доктрине утвердился конвенциональный подход, связывающий саму возможность признания правосубъектности коллективного образования с наличием у него конкретного комплекса правомочий, императивно закрепленных нормативными актами[\[10, с. 44\]](#). Как справедливо отмечает Пономарева Е.В., «нормативное признание прав объективно конституирует правосубъектность соответствующего образования»[\[11, с. 143\]](#). Эта позиция также находит подтверждение в исследованиях Шахова В.Д., который, анализируя трудовые коллектизы, прямо указывает на их правомочия как основу правосубъектности[\[12, с. 72\]](#). Присутствие нормативно закрепленных прав является первичным индикатором потенциальной субъектности. Обладание правами предполагает существование их обособленного и распознаваемого носителя, способного к самостоятельному участию в правоотношениях. Эти качества конкретизируются через такие признаки как организационное единство, имущественная обособленность и индивидуализация.

Важнейший аспект организационного единства – наличие структуры, обеспечивающей целенаправленное функционирование коллектива как единого целого. Как подчеркивает Мозолин В.П., именно организационное единство позволяет отличить коллективный субъект права от простой совокупности индивидов[\[13, с. 112\]](#). Организационное единство, обеспечивающее координацию действий, порождает ключевое для коллективного субъекта свойство – способность формировать и выражать единую волю[\[14, с. 66\]](#). Эта воля признается правопорядком как воля самого субъекта, отличная от воль отдельных лиц, его составляющих. Как сформулировал Б. Виндшейд, сущность субъективного права заключается в признанной правопорядком свободе воли, дозволенной законом[\[15, с. 108\]](#). Для коллектива это означает способность объединять отдельные желания («хотения», по В. Виндельбанду[\[16, с. 11\]](#)) индивидов в коллективную волю, подчиненную общему правопорядку, но независимую в своей реализации от воль других субъектов. Формирование такой единой воли – фундаментальный атрибут субъекта права.

Историко-правовая ретроспектива подтверждает универсальность этих критериев. Классическая юриспруденция, восходящая к римскому праву, отождествляет субъекта права с «persona» (правовой маской). Г. Кельзен в «Чистом учении о праве» констатирует: «традиционная теория права отождествляет понятие субъекта права с понятием лица», при этом «лицо – это не только человек как субъект обязанностей и прав», но также и «известные сообщества»[\[17, с. 216\]](#). Римская конструкция universitas блестяще реализовала эти признаки: союз обладал субъективными правами, обособленным имуществом, вступал в отношения через представителей, выступал в суде и сохранял организационное единство и перманентность независимо от состава

участников. Признание процессуальной правоспособности муниципий подтверждало применение конструкции лица также к публичным образованиям.

Дальнейшее развитие идеи коллективного субъекта представлено в теории Гирке О. о «союзной личности» – признанной правопорядком деятельности человеческого союза как единого целого, отличного от суммы его членов. Эта личность обладает собственной волей, реализуемой через органы, причем деятельность органов – не представительство отдельных членов, а представление самого союза как целого («частное через часть»). Члены союза сохраняют индивидуальную правосубъектность [\[18, с. 469-485\]](#). Современные исследователи, как Козлова Н.В., отмечают, что римская концепция *universitas* и теория Гирке заложили основы понимания корпорации как самостоятельного субъекта, обладающего атрибутами, аналогичными физическому лицу, что актуально для анализа нетрадиционных коллективных образований [\[19, с. 119\]](#).

На основе анализа этой концепции Крипак И.И. сформулировал ключевые признаки сложного коллективного субъекта: 1) самостоятельная единая воля; 2) единый правовой интерес и цель; 3) обособленное имущество; 4) организационное единство [\[20, с. 51\]](#). Эта мысль перекликается с позицией видного цивилиста Иоффе О.С., указывавшего, что понятие юридического лица возникает для обозначения совокупности (объединения) физических лиц, противопоставляемой в правовом смысле единичному физическому лицу [\[21, с. 53-55\]](#).

Развитие теории коллективного субъекта, благодаря трудам Мицкевича А.В., вышло за узкие рамки гражданско-правовой правосубъектности. Мицкевич А.В. обосновал ее распространение на все отрасли права, включая в круг коллективных субъектов не только юридических лиц, но и разнообразные организации – государство, его органы, иные коллективные образования, формально не обладающие статусом юридического лица, но фактически наделенные правосубъектностью в силу закона и выполняемых функций [\[22, с. 5-33\]](#). Это расширительное понимание подчеркивает, что правосубъектность коллектива не всегда требует формальной регистрации как юридического лица; она может вытекать из его функциональной роли в правопорядке.

Эта совокупность признаков, подтвержденная историческим развитием права и фундаментальными теоретическими построениями, служит универсальным критерием для идентификации носителя правосубъектности. Принципиально важно подчеркнуть, что понимание субъекта права в современной теории не сводится к узкому перечню формально признанных категорий. Как обоснованно указывал академик Нерсесянц В.С., субъектами права являются все адресаты права, все те, кто находится под его действием и признается им в качестве абстрактного правового лица – возможного носителя прав и обязанностей. В этот широкий круг он включал свободных индивидов, хозяйствственные образования, общественные и религиозные организации и т.д. [\[23, с. 509\]](#) Значимый для настоящего исследования акцент сделан Нерсесянцем В.С. на термине «хозяйственные образования». Употребление этой категории, а не строго определенного понятия «организации с правами юридического лица», позволяет предположить, что под «хозяйственными образованиями» подразумевались различные формы коллективной экономической деятельности, не обладающие формальным статусом юридического лица, но реально наделенные правомочиями.

Этот подходозвучен с ранее рассмотренной позицией Мицкевича А.В. о фактической правосубъектности коллективных образований, вытекающей из их функциональной роли, и подчеркивает, что правосубъектность может признаваться за образованиями, не

вписывающимися, например, в рамки юридического лица, но отвечающими универсальным признакам субъекта права.

Таким образом, опираясь на универсальные признаки субъекта права (обладание правами, организационное единство, имущественная обособленность, индивидуализация, способность к формированию единой воли) и расширительное понимание круга их носителей, включающее коллективные субъекты, наделенные правосубъектностью *de facto* в силу выполняемых функций, последующее исследование применит эту теоретическую матрицу для анализа природы кредиторского сообщества в деле о банкротстве.

Первооснову конституирования кредиторского сообщества составляет единый правовой интерес и цель, императивно установленные законодателем как *ratio* всего института несостоительности: максимально полное и соразмерное удовлетворение требований кредиторов посредством надлежащего формирования и реализации конкурсной массы (ст. 2 Закона о банкротстве). Этот надперсональный, объективно доминирующий интерес нивелирует частные различия в характере и объеме требований кредиторов, выступая их консолидирующим началом.

Организационное единство кредиторского сообщества находит свое институциональное воплощение в законодательно установленной структуре органов: собрания кредиторов (как высшего органа волеобразования) и избираемого им комитета кредиторов (как представительного органа) (статьи 12, 17 Закона о банкротстве). Данные органы не выполняют лишь координационную функцию; они легитимно репрезентируют кредиторское сообщество как целостность в отношениях с арбитражным управляющим, должником и судом. Их решения, принятые в установленной законом процедуре, обладают нормативной силой и обязательны для всего круга лиц, признанных участниками сообщества, включая кредиторов без права голоса (субординированные, зареестровые), но сохраняющих процессуальный статус лица, участвующего в деле.

Ключевой атрибут субъектности – способность к формированию и выражению единой воли – реализуется через собрание и комитет кредиторов. Принятие решений по вопросам, определяющим судьбу процедуры банкротства (утверждение плана внешнего управления, выбор СРО или арбитражного управляющего, заключение мирового соглашения и т.д.), представляет собой не механическую агрегацию индивидуальных предпочтений, а процесс легитимного формирования коллективной воли самого сообщества как единого субъекта. Эта воля, будучи сформирована уполномоченным органом, выступает юридическим фактом, порождающим значимые правовые последствия в рамках дела о банкротстве, что соответствует доктринальной позиции Б. Виндшейда о воле как основе субъективного права.

Переходя к исследованию следующего конституирующего признака правосубъектности – имущественной обособленности – применительно к кредиторскому сообществу в процедуре банкротства, считаем возможным исходить из тезиса, сформулированного Ибрагимовым К.Ю., исследователя феномена юридического обособления имущества в частном праве^[24]: признание правопорядком правосубъектности образования может осуществляться посредством регулирования, при котором имущество обособляется для достижения определенной цели или защиты самостоятельного интереса^[25, с. 44].

Ключевым аргументом в пользу наличия данного признака у кредиторского сообщества выступает законодательно установленный специальный правовой режим конкурсной массы. Этот режим характеризуется строгой функциональной обособленностью данного

имущества: оно выделяется из общего состава имущества должника исключительно для целей удовлетворения требований кредиторов в рамках банкротства. Конкурсная масса также не принадлежит отдельным кредиторам, представляя собой целевой имущественный пул, существующий исключительно для погашения кредиторских требований. Однако, при этом, кредиторское сообщество посредством своих органов контролирует осуществляющее арбитражным управляемым управление этим имуществом: например, собрание и комитет кредиторов утверждают отчеты арбитражного управляющего (ст. 143 Закона о банкротстве), дают согласие на сделки с конкурсной массой (ст. 101 Закона о банкротстве), определяют порядок его реализации (ст. 110 Закона о банкротстве).

Имущественную обособленность коллективного субъекта можно констатировать лишь при условии отличия его имущества от имущества входящих в него лиц. С учетом изложенного, сам факт законодательного закрепления специального режима владения, пользования и распоряжения этой массой, реализуемого, главным образом, арбитражным управляющим под контролем органов кредиторского сообщества (собрания и комитета кредиторов), на наш взгляд, является убедительным проявлением имущественной обособленности, достаточным для этого признака субъектности.

С учетом изложенного, данный способ обособления – в пользу определенного круга лиц для строго установленной законом цели – на наш взгляд, следует квалифицировать как целевое (функциональное) обособление имущества. Хотя оно не соответствует классическим формам обособления по ст. 48 ГК РФ (право собственности, хозяйственное ведение, оперативное управление), в контексте банкротства оно обладает аналогичной значимостью по сути и правовым последствиям, обеспечивая юридическое отделение активов от имущества должника и отдельных кредиторов, подчиняя распоряжение исключительно цели кредиторского сообщества.

Цели подобного функционального обособления, хорошо исследованные в доктрине, заключаются, во-первых, в установлении особого порядка управления имуществом (что наблюдается, например, при доверительном управлении по гл. 53 ГК РФ или в отношениях общей собственности по гл. 16 ГК РФ), и, во-вторых, в ограничении распорядительной свободы управомоченного лица (как в случаях ареста или обособления для взыскания).

Обособление конкурсной массы в процедурах банкротства эффективно решает обе эти задачи: оно исключает распорядительную свободу должника в отношении данного имущества и одновременно вводит особый порядок управления им в течение всей процедуры банкротства. Подобные примеры функционального обособления (наследственная масса, имущество супругов, крестьянского (фермерского) хозяйства) хорошо известны, и конкурсная масса органично встраивается в этот ряд.

Доктринальные основания такого подхода предоставляет, в частности, немецкая юриспруденция. Как указывает в своем исследовании Останина Е.А., Б. Даунер-Либ определяет обособленное имущество как совокупность прав и обязанностей, принадлежащих лицу, так что отношения по поводу этой совокупности регулируются специальным законодательством, а имущество предназначено для определенных задач, а Ф. Якоби подчеркивает подвижность его состава и связь правовых последствий не с конкретной вещью, а с их совокупностью, описанной общими признаками (наследство, имущество супругов, имущество товарищей и т.д.)[\[26, с. 52\]](#).

При этом, критически важно, на наш взгляд, разграничивать обособление имущества

применительно к кредиторскому сообществу и признак имущественной обособленности юридического лица по ст. 48 ГК РФ. Для последнего обособленное имущество служит, прежде всего, базой для самостоятельной имущественной ответственности [27, с. 21][28, с. 46]. В случае же кредиторского сообщества функционально обособленная конкурсная масса служит не базой его ответственности, а именно инструментом достижения строго определенной законом цели под его контролем.

Таким образом, проведенный анализ убедительно свидетельствует о наличии у кредиторского сообщества в процедуре банкротства признака имущественной обособленности, конституирующего его правосубъектность. Эта обособленность носит строго функциональный (целевой) характер, юридически оформленный специальным правовым режимом конкурсной массы. Этот режим обеспечивает юридическое отделение имущества как от должника, ограничивая либо полностью исключая его распорядительную свободу в зависимости от процедуры, так и от отдельных кредиторов, подчиняет его использование исключительно цели удовлетворения требований кредиторов и устанавливает особый порядок управления через арбитражного управляющего под контролем органов кредиторского сообщества.

Индивидуализация и внешняя обособленность кредиторского сообщества в конкурсном процессе не вызывают сомнений. Во-первых, кредиторское сообщество наделено комплексом прав, что подтверждается как судебной практикой, так и доктриной. Так, анализируя стандарт поведения арбитражного управляющего в деле о банкротстве, Кантор Н.Е. обращается к позиции высшей судебной инстанции [29, с. 172], согласно которой несмотря на наличие у управляющего определенной дискреции, он должен учитывать права и законные интересы кредиторского сообщества, а не отдельных лиц (определение Верховного Суда РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553 по делу № А40-64173/2017). Помимо этого судебной практикой признается за кредиторским сообществом субъективное право требовать взыскания кредиторских убытков (определение Верховного Суда РФ от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018); субъективное право требовать признания незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего, отстранения его от исполнения обязанностей (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.11.2024 № Ф09-2062/19 по делу № А60-51084/2018); право выбора определенной стратегии получения удовлетворения требований кредиторов (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.03.2023 № Ф09-10194/22 по делу № А71-6361/2020) и т.д. Во-вторых, интересы кредиторского сообщества защищаются в судебном порядке как интересы единого образования, например, при оспаривании сделок должника или привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Так, Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что в таких обособленных спорах истцом выступает единое сообщество кредиторов, а не конкретные кредиторы или арбитражный управляющий, которые подают заявления и поэтому выступают лишь представителями указанного сообщества, действуя в его интересах (определения Верховного Суда РФ от 22.02.2024 № 301-ЭС23-29035 по делу № А43-27133/2022, от 27.01.2023 № 307-ЭС22-27042 по делу № А26-2428/2018, от 20.05.2019 № 305-ЭС16-20779(39, 41, 44) по делу № А40-154909/2015). В этой связи вслед за Шевченко И.М. следует признать, что идея о субъектности кредиторского сообщества активно применяется судами для целей применения п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ [30, с. 6].

Проведенный анализ демонстрирует наличие у кредиторского сообщества всей совокупности универсальных признаков субъекта права: оно обладает организационным единством, реализуемым через систему органов (собрания и комитета кредиторов);

способно к формированию и выражению единой воли по ключевым вопросам процедуры; располагает функционально обособленным имуществом (конкурсной массой), непосредственно служащим достижению его цели и находящимся под его контролем; индивидуализировано и внешне обособленно в конкурсном процессе; и, что наиболее существенно, наделено комплексом прав, реализуемых от его имени как целого.

Следовательно, кредиторское сообщество в деле о банкротстве представляет собой особый вид коллективного субъекта права, существующий в течение всего срока процедуры банкротства и обладающий специальной (функциональной) правосубъектностью, производной исключительно от целей и задач института банкротства. Его правовая природа не редуцируется до узкой конструкции гражданско-правового сообщества в значении собрания (ст. 181.1 ГК РФ). Это самостоятельный участник конкурсного процесса, носитель коллективных прав и интересов, отвечающий классическим критериям *persona* в ее коллективном, процедурно обусловленном воплощении.

Дальнейшая научная задача видится в уточнении объема и содержания этой уникальной правосубъектности и в разработке оптимальных правовых механизмов реализации ее потенциала в целях повышения эффективности процедур банкротства.

2 . Уникальность кредиторского сообщества: синтез черт и самостоятельная природа

Установление факта обладания кредиторским сообществом универсальными признаками субъекта права закономерно ставит вопрос о его месте в системе правовых явлений и характере его правосубъектности. Для выявления *sui generis* природы данного образования необходим сравнительный анализ с классическими гражданско-правовыми конструкциями объединений лиц (корпорациями в широком смысле^[31, с. 224]), прежде всего – с юридическими лицами и простыми товариществами. Такой анализ не только подчеркнет уникальные черты кредиторского сообщества, но и прояснит границы возможной аналогии закона в регулировании его деятельности.

Наибольшее методологическое значение обнаруживает функциональное и структурное сходство кредиторского сообщества с корпоративным юридическим лицом. Подобно ему сообщество кредиторов обладает системой органов, формирующих и выраждающих его волю: собрание кредиторов выступает функциональным аналогом высшего органа управления (общего собрания участников/акционеров), принимающего стратегические решения, а комитет кредиторов – органа, осуществляющего оперативный контроль и представительство (совет директоров / наблюдательный совет).

Функциональная связь с обособленным имуществом также сближает их: конкурсная масса, хотя и не принадлежит сообществу на праве собственности, выполняет роль, схожую с уставным капиталом или имуществом юридического лица, представляя собой целевой фонд, управляемый в интересах сообщества под его контролем.

Это структурно-функциональное подобие отражает объективную потребность в организации коллективного интереса и имеет важное практическое следствие: оно обосновывает возможность и правомерность применения по аналогии норм, регулирующих деятельность органов юридических лиц, к органам кредиторского сообщества. Наиболее актуально это в сфере ответственности членов комитета кредиторов перед самим сообществом и его участниками – кредиторами.

Нормы статьи 53.1 ГК РФ об ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени

юридического лица, членов коллегиальных органов, могут и должны применяться по аналогии к членам комитета кредиторов за убытки, причиненные недобросовестными или неразумными действиями (бездействием), включая злоупотребление полномочиями, что прямо вытекает из функционального сходства ролей и направлено на защиту интересов всего кредиторского коллектива.

Допустимость обращения в данном случае к аналогии права подтверждается практикой Верховного Суда РФ, которая признает взаимное применение норм корпоративного права к отношениям банкротства и норм законодательства о банкротстве к корпоративным отношениям. Как отмечает Микрюков В.А., «в п. 6 Постановления от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» Пленум дважды указал на необходимость применения аналогии, прямо сославшись на п. 1 ст. 6 ГК РФ», «суды указали, что при назначении ликвидатора и определении порядка ликвидации юридического лица надлежит (оптом) применять по аналогии совокупность соответствующих норм банкротного закона (п. 24 Постановления № 6/8)»[\[32, с. 162, 169\]](#).

Критически важно при этом четко разграничивать следующее. Само кредиторское сообщество, как доказано ранее, выступает в качестве носителя правосубъектности – коллективного субъекта правоотношений несостоятельности, обладающего универсальными признаками persona. В то же время, собрание кредиторов и комитет кредиторов представляют собой не самостоятельные субъекты права, а именно субъекты управления, то есть органы, посредством которых сообщество как целое реализует свою правосубъектность, формирует и выражает свою волю, осуществляет предоставленные ему законом права и полномочия.

Эта дихотомия («субъект права» - «субъекты управления») является фундаментальной и напрямую корреспондирует с конструкцией юридического лица. Подобно тому, как в корпоративном юридическом лице (например, акционерном обществе) само общество является субъектом права, а общее собрание акционеров, совет директоров, единоличный исполнительный орган – это его органы, через которые оно действует (ст. 53 ГК РФ).

Здесь важно отметить, что попытка Пленума Верховного Суда РФ в п. 118 Постановления № 25 распространить конструкцию гражданско-правового сообщества на само юридическое лицо («Если гражданско-правовое сообщество представляет собой юридическое лицо...») представляется методологически небезупречной. Данный вывод вступает в противоречие с системным толкованием ГК РФ, где законодатель последовательно разделяет понятия: термин «гражданско-правовое сообщество» используется только в контексте решений собраний (гл. 9.1 ГК РФ), в то время как юридическое лицо рассматривается как самостоятельный, единый субъект права (глава 4 подраздела 2 раздела I ГК РФ), чья правосубъектность не сводится к статусу собрания своих участников. Следовательно, положение п. 118 Постановления № 25 требует критического переосмысления, так как смешивает субъект управления (собрание) с субъектом права (юридическое лицо).

Также необходимо отметить, что несмотря на дискуссионность правового положения руководителя юридического лица в различных правоотношениях и возможность его рассмотрения в разных ипостасях[\[33, с. 285\]](#), в контексте представительства интересов юридического лица превалирует подход, согласно которому «руководителю нет необходимости становиться субъектом гражданских правоотношений»; «он обладает

своими правами и несет свои обязанности, выступая уполномоченным от имени юридического лица»[\[34, с. 242\]](#).

Кредиторское сообщество организовано аналогичным образом. Собрание кредиторов выступает высшим органом управления (волеобразования) сообщества, посредством которого принимаются решения, определяющие ход процедуры банкротства (ст. 12 Закона о банкротстве). В свою очередь, комитет кредиторов выполняет функции представительного органа сообщества. Он осуществляет текущий контроль за деятельностью арбитражного управляющего, реализует отдельные полномочия, делегированные ему собранием или законом (ст. 17 Закона о банкротстве). Действия комитета рассматриваются как действия самого кредиторского сообщества (члены комитета действуют от имени и в интересах сообщества как целого, а не от своего имени или от имени отдельных кредиторов).

В рамках настоящего исследования, не углубляясь в излишнюю детализацию, поскольку это выходит за его целевые рамки, следует отметить, что административно-правовая доктрина демонстрирует аналогичный подход, рассматривая государство в качестве субъекта права, а его органы – в качестве субъектов управления. С позиции данного подхода, разделяемого рядом отечественных ученых, эти органы лишены самостоятельной правосубъектности, не обладают собственными правами и обязанностями, их функциональное предназначение заключается исключительно в формировании и выражении воли государства, в действии от его имени и в его интересах, а также в опосредованной реализации его прав и обязанностей[\[35, с. 498\]](#). Понятие государственного органа предстает как «технический термин», обозначающий конкретных индивидов или их группы, которые, будучи наделенными определенной компетенцией, конституируются в качестве такого органа государства, выступая по сути инструментальным механизмом осуществления его властных функций[\[36, с. 173-174\]](#). Эта концепция находит параллели в германской правовой традиции. Как подчеркивает Слыщенков В.А., «в действующем немецком праве государственные органы являются не лицами, т.е. не субъектами «внешнего права» (*Aussenrecht*), но составными частями носителя власти (*Verwaltungstrager*), например государства в целом»[\[37, с. 77\]](#).

Таким образом, собрание и комитет кредиторов не обладают собственной, отдельной от кредиторского сообщества правосубъектностью. Их правовая природа – природа органа коллективного субъекта. Они являются инструментами, посредством которых сообщество как носитель правосубъектности реализует свою способность приобретать и осуществлять права, создавать обязанности в рамках конкурсного процесса.

Сказанное находит прямое воплощение в механизме подотчетности арбитражного управляющего: он несет обязанности по представлению информации и отчетности исключительно перед кредиторским сообществом в целом, а не отдельными кредиторами. Эта подотчетность реализуется через органы кредиторского сообщества – собрание и комитет кредиторов, что исключает обязанность управляющего предоставлять документы по индивидуальным запросам кредиторов. Данный вывод находит прямое подтверждение в судебной практике. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.08.2019 № Ф07-10593/2019 по делу № А56-7230/2017 суд однозначно указал, что «законодательство о банкротстве устанавливает правила отчетности перед кредиторами – ежеквартальные собрания (заседания комитета) кредиторов с рассмотрением результатов проведения конкурсного производства. Прямого указания на предоставление информации каждому кредитору в отдельности нормы Закона о банкротстве не содержат.». Аналогичная позиция представлена в постановлении

Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.04.2025 № Ф07-672/2025 по делу № А56-71587/2020: суд подчеркнул, что «Арбитражный управляющий подотчетен собранию кредиторов (комитету кредиторов) и обязан представлять по требованию собрания кредиторов любую информацию, связанную с конкурсным производством. Арбитражный управляющий не обязан проводить аналитическую работу по индивидуальному запросу кредиторов, в том числе сбор и направление документов».

Определенное поверхностное сходство кредиторское сообщество обнаруживает и с конструкцией простого товарищества (гл. 55 ГК РФ), основанной также на объединении лиц для достижения общей цели. Данная идея находит подтверждение в доктрине. Например, Шайдуллин А.И. пишет, что кредиторы являются товарищами (хоть и ученый рассматривает их в качестве недобровольных), которые преследуют общую цель – наиболее полное удовлетворение своих требований [38, с. 55]. Османова Д.О., развивая данную мысль, ссылается на п. 5 ст. 1044 Гражданского кодекса РФ и указывает, что об общности ведения дел кредиторами в качестве товарищей свидетельствуют принятие решений собранием кредиторов, а также присоединение кредиторов, например, к требованиям заявителя о признании сделки должника недействительной или о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности [39, с. 21].

Действительно, феномен кредиторского сообщества отражает глубинную социально-антропологическую сущность человека как существа коллективного (*homo socius*). Как справедливо отмечает Дж. Фрозио, исторически и даже генетически человек предрасположен к сотрудничеству, являясь скорее «кооперативным видом» (a cooperative species), нежели исключительно «человеком экономическим» (*Homo economicus*) [40, с. 1983]. Институт банкротства, создавая правовую форму для вынужденной консолидации кредиторов перед лицом общей угрозы неудовлетворения их требований, актуализирует эту фундаментальную потребность в объединении усилий. Кредиторское сообщество воплощает диалектику коллективного и индивидуального: объединение усилий ради достижения общей цели (удовлетворения требований) происходит при осознании каждым участником того, что в этом общем деле лежит часть его собственного имущественного блага.

Однако вышеуказанное сходство служит, главным образом, для оттенения более принципиальных и сущностных отличий, окончательно подтверждающих уникальную природу сообщества и невозможность его подведения под классические конструкции.

Ключевое различие коренится в генезисе и природе формирования этих объединений. Простое товарищество возникает исключительно на основе добровольного волеизъявления участников, оформленного гражданско-правовым договором (статья 1041 ГК РФ), выступающим актом автономии их воли. В свою очередь, возникновение кредиторского сообщества детерминировано сложным взаимодействием императивных и диспозитивных начал. С одной стороны, конституирование кредиторского сообщества происходит в силу прямого предписания закона (ex lege), что отражает императивный характер его природы. С другой стороны, каждый кредитор обладает диспозитивными правами, позволяющими самостоятельно принимать решения о своем участии в сообществе: он вправе решать, предъявлять ли свои требования для включения в реестр кредиторов, определять размер заявляемого требования, а также отказаться от его предъявления. Так, например, Шевченко И.М. пишет, что отдельный кредитор выражает свое согласие на вхождение в гражданско-правовое сообщество кредиторов тогда, когда кредитует должника [41, с. 69]. Таким образом, возникновение кредиторского сообщества представляет собой сочетание обязательного правового механизма и

свободы действий отдельных кредиторов.

Существенное расхождение наблюдается и в целеполагании: целью простого товарищества является извлечение прибыли или достижение иной не противоречащей закону цели, определяемой самими участниками (ст. 1041 ГК РФ), тогда как цель кредиторского сообщества строго предопределена законом – удовлетворение требований кредиторов за счет формирования и реализации конкурсной массы.

Таким образом, проведенный компаративный анализ убедительно демонстрирует, что кредиторское сообщество не может быть квалифицировано ни как юридическое лицо, ни как простое товарищество. Оно представляет собой самостоятельное правосубъектное образование уникального типа – *sui generis*, порожденное спецификой правоотношений несостоятельности (банкротства).

Природа кредиторского сообщества – это синтез признаков:

- 1) от юридического лица оно заимствует организационное единство, способность формировать единую волю и функциональную связь с обособленным имуществом, что оправдывает ограниченную аналогию закона в вопросах ответственности органов кредиторского сообщества;
- 2) от договорных неправосубъектных объединений лиц оно сохраняет лишь сам факт объединения для общей цели, но отличается принудительным, публично-правовым генезисом, отсутствием договорной основы, специфической установленной законом целью.

Ключевая уникальность кредиторского сообщества заключается в его процедурно-функциональном характере: оно есть временная, создаваемая законом (*ex lege*) корпоративная общность, существующая строго в рамках и на срок конкретного дела о банкротстве исключительно для реализации целей, установленных законодательством о банкротстве.

Его правосубъектность носит специальный, производный и функциональный характер, не требующий формального признания через статус юридического лица, но реально проявляющийся в комплексе прав и способности выступать единым целым в конкурсном процессе. Таким образом, кредиторское сообщество должно рассматриваться как самостоятельный субъект правоотношений несостоятельности, обладающий правовой природой *sui generis*.

3. Практическая реализация правосубъектности кредиторского сообщества

Для эффективной реализации правосубъектности кредиторского сообщества предлагается последовательное внедрение правового механизма реализации единства воли кредиторского сообщества, основанного на приоритете коллективного волеизъявления над индивидуальным в вопросах, затрагивающих единую цель кредиторского сообщества – надлежащее формирование конкурсной массы и погашение задолженности.

Сущность данного механизма заключается в установлении принципа монополии органов кредиторского сообщества (собрания и комитета кредиторов) на осуществление действий, существенно влияющих на единую цель кредиторского сообщества. К таким действиям относятся, в частности: оспаривание сделок должника, предъявление требований о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, иные иски, направленные на формирование, пополнение или сохранение конкурсной массы.

Для этого индивидуальный кредитор, инициирующий подобное требование, обязан предложить его включение в повестку собрания кредиторов. Лишь при отказе во включении вопроса органом кредиторского сообщества, кредитор приобретает право на судебное оспаривание такого решения.

При этом, видится обоснованным, судебные расходы по спорам, инициированным органами кредиторского сообщества для достижения его единой цели, отнести на конкурсную массу. Напротив, кредитор, обращающийся с требованием самостоятельно (включая случаи после отказа органов сообщества), должен нести все судебные расходы самостоятельно. Такой подход обеспечивает сдерживающий эффект: необходимость нести бремя расходов отбивает у кредиторов желание необоснованно «закидывать» суд исками, заставляя их тщательно оценивать целесообразность и перспективы таких обращений.

Обоснованность и эффективность предлагаемого механизма находят убедительное подтверждение в банкротстве эмитента облигаций, где интересы всех кредиторов-владельцев облигаций представляет исключительно единый субъект – представитель владельцев облигаций (ПВО) или при его отсутствии депозитарий (абз. 3 п. 7 ст. 16, абз. 2 п. 4 ст. 71 Закона о банкротстве, пп. 8.1 п. 11 ст. 29.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»). При этом в реестр включается обобщенное требование ПВО (депозитария) с указанием совокупного размера требований всех кредиторов-владельцев облигаций; требование отдельного владельца облигаций оставляется судом без рассмотрения.

Судебная практика последовательно подтверждает целесообразность данного подхода. Так, например, в определении Верховного Суда РФ от 06.08.2020 по делу № А40-51346/2019 указано, что цель кредитора включиться в реестр требований кредиторов должника уже достигнута через представителя владельцев облигаций. Аналогичная позиция нашла свое отражение в актуальной судебной практике Арбитражного суда Московского округа (например, постановления от 25.08.2022 по делу № А40-197447/2018, от 23.05.2019 по делу № А40-102911/2018).

Видится, что целью введения особого порядка участия кредиторов в деле о банкротстве должника-эмитента облигаций являлось обеспечение единого подхода в отношении всех кредиторов-владельцев облигаций, упрощения взаимодействия с ними в конкурсном процессе. Как отмечает Фокин Е.А., обращение ПВО в суд по своей процессуальной природе является групповым иском (ст. 225.16 АПК РФ), обеспечивающим коллективную защиту интересов всех кредиторов-владельцев облигаций [42, с. 132].

Конституционный Суд РФ подтвердил, что данный механизм не нарушает право на судебную защиту, поскольку ПВО (депозитарий) действует в интересах всех кредиторов-владельцев облигаций, а включение его требования в реестр носит процедурный характер, не умаляя имущественных прав кредиторов. Суд указал, что законоположения направлены на обеспечение коллективной защиты интересов владельцев облигаций посредством института представительства, что само по себе является формой судебной защиты и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права кредиторов (определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 745-О). Этот вывод сохраняет силу даже в ситуации, когда требование отдельного кредитора-владельца облигаций подтверждается вступившим в законную силу судебным актом, так как последующее включение в реестр в рамках банкротства эмитента подчиняется специальному режиму представительства.

Опираясь на доказанную эффективность правового механизма, реализующего принцип единства воли кредиторского сообщества (апробированного в российской практике банкротства эмитентов облигаций), предлагается внести следующие изменения в Закон о банкротстве:

Дополнить статью 2 Закона о банкротстве новым абзацем следующего содержания:

кредиторское сообщество – объединение всех кредиторов, являющиеся лицами, участвующими в деле о банкротстве на дату проведения соответствующего собрания кредиторов или принятия решения комитетом кредиторов, действующее в деле о банкротстве посредством коллективных органов управления (собрания кредиторов и комитета кредиторов) для достижения их общей цели – максимального удовлетворения требований за счет стоимости конкурсной массы.

Дополнить статью 12 Закона о банкротстве новым пунктом 2.1 следующего содержания:

«2.1. К исключительной компетенции собрания кредиторов относится принятие решений о предъявлении от имени кредиторского сообщества требований, влияющих на формирование, пополнение или сохранение конкурсной массы, в том числе заявлений:

об оспаривании сделки должника;

о привлечении к субсидиарной ответственности;

о взыскании убытков с арбитражного управляющего;

об истребовании имущества должника из чужого незаконного владения;

о признании права собственности должника на имущество;

о признании недействительными решений органов управления должника.».

Дополнить Закон о банкротстве новой статьей 15.1. «Порядок предъявления кредиторами требований, влияющих на конкурсную массу»:

«Статья 15.1. «Порядок предъявления кредиторами требований, влияющих на конкурсную массу»:

1. Кредитор, намеревающийся предъявить в деле о банкротстве требование, предусмотренное пунктом 2.1 статьи 12 настоящего Федерального закона (далее – требование, влияющее на конкурсную массу), обязан направить арбитражному управляющему для внесения в повестку собрания кредиторов мотивированное предложение о предъявлении такого требования от имени кредиторского сообщества.
2. В случае принятия собранием кредиторов решения об отказе от обращения в суд с требованием, влияющим на конкурсную массу (далее – решение об отказе), оно может быть признано недействительным арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, по заявлению такого кредитора ввиду его необоснованности или несоответствия цели кредиторского сообщества.
3. В случае признания решения об отказе недействительным, кредитор вправе предъявить требование, влияющее на конкурсную массу самостоятельно. При этом такое требование предъявляется в защиту интересов кредиторского сообщества, а любое имущество или денежные средства, взысканные по такому требованию, подлежат включению в конкурсную массу.
4. Требование, влияющее на конкурсную массу, предъявленное кредитором без

соблюдения порядка, установленного пунктами 1-3 настоящей статьи, подлежит оставлению арбитражным судом без рассмотрения.

5. Судебные расходы по требованиям, указанным в пункте 2.1 статьи 12 настоящего Федерального закона, инициированным собранием кредиторов, относятся на конкурсную массу, а при самостоятельном предъявлении кредитором такие расходы возлагаются на этого кредитора.».

Проведенное исследование обосновывает необходимость законодательного закрепления правосубъектности кредиторского сообщества посредством внедрения правового механизма, реализующего принцип единства его воли. Таким образом, правосубъектность кредиторского сообщества реализуется через установление исключительной компетенции собрания и комитета кредиторов на предъявление заявлений, влияющих на конкурсную массу (оспаривание сделок, привлечение к субсидиарной ответственности и т.п.), обязательный досудебный фильтр индивидуальных кредиторских инициатив в виде предложения органам кредиторского сообщества предъявить требование и судебный контроль обоснованности их отказов в этом. Предлагаемые изменения создают условия для полноценной реализации правосубъектности кредиторского сообщества, направленной на достижение цели банкротства – максимального удовлетворения требований кредиторов.

4 . Микро- и макроправовые последствия признания правосубъектности кредиторского сообщества

Признание кредиторского сообщества в процедуре банкротства в качестве коллективного субъекта права неизбежно влечет комплекс значимых правовых последствий. Эти последствия носят многоуровневый характер, затрагивая как внутренние (микро-) отношения в рамках конкурсного процесса и интересы его непосредственных участников, так и макроструктуру правового регулирования несостоятельности, экономические и технологические стратегии российского государства.

Микроправовые последствия носят многоплановый характер и заключаются в следующем.

Законодательное закрепление правосубъектности кредиторского сообщества разрешает фундаментальную проблему легитимации собрания и комитета кредиторов как его органов, которые приобретают бесспорное право выступать от имени и в интересах всех кредиторов при предъявлении ключевых требований, влияющих на конкурсную массу (оспаривание сделок, привлечение к субсидиарной ответственности, взыскание убытков с управляющего и т.д.). Это устраняет хаос и конфликты, неизбежно возникающие при параллельных или противоречивых действиях отдельных кредиторов. Кроме этого, радикально сокращается количество однотипных исков по одному делу о банкротстве – вместо множества индивидуальных заявлений суд рассматривает одно требование, сформулированное и предъявленное уполномоченным органом кредиторского сообщества, что высвобождает значительные судебные ресурсы, ускоряет процедуру и снижает судебные издержки для всех участников.

Признание кредиторского сообщества субъектом отношений несостоятельности создает действенный механизм защиты интересов всех кредиторов, включая пассивных, мелких или лишенных права голоса (например, зареестровых), чьи интересы объективно представлены и защищаются решениями органов сообщества, действующих в общих интересах. При этом индивидуальный кредитор сохраняет право инициировать вопрос

через органы кредиторского сообщества и оспаривать в суде необоснованный отказ этих органов действовать, но лишается возможности действовать вопреки коллективно принятому решению по стратегическим вопросам, что предотвращает ситуации, когда активный кредитор, преследуя исключительно личную выгоду, своими действиями наносит ущерб общим интересам.

Четкое определение органов кредиторского сообщества как субъектов управления и распространение на членов комитета кредиторов (по аналогии закона) норм об ответственности по ст. 53.1 ГК РФ за недобросовестные или неразумные действия, причинившие убытки кредиторскому сообществу, создают действенный механизм сдержек и противовесов, стимулируя более взвешенный и профессиональный подход к управлению общими интересами кредиторов.

На макроуровне последствия признания правосубъектности кредиторского сообщества носят стратегический характер, напрямую затрагивая интересы российского государства и перспективы развития его экономики.

Признание правосубъектности кредиторского сообщества упрощает конкурсный процесс, концентрирует усилия на общих целях всех кредиторов, снижает судебные издержки и риски злоупотреблений, что в совокупности радикально повышает предсказуемость и эффективность процедур банкротства. Это напрямую служит государственным интересам: снижается нагрузка на арбитражные суды (высвобождая ресурсы для других споров), повышается собираемость фискальных платежей за счет более эффективного формирования конкурсной массы и удовлетворения требований бюджета, минимизируются социальные издержки за счет ускорения процедур и более четкого определения перспектив бизнеса (например, сохранение рабочих мест при реструктуризации).

Признание правосубъектности сообщества критически важно для успешной реструктуризации. Единый субъект – кредиторское сообщество – способен гораздо оперативнее принимать сложные, стратегические решения, необходимые для утверждения и реализации плана реструктуризации. Это снижает риски срыва переговоров и соглашений из-за противодействия отдельных кредиторов, делает процедуру реструктуризации более привлекательной и управляемой для должника и потенциальных инвесторов, способствуя сохранению бизнеса как действующего предприятия и рабочих мест.

Более того, само кредиторское сообщество, обладая правосубъектностью и механизмами принятия решений, потенциально может стать источником инвестиций в деятельность должника в ходе финансового оздоровления или внешнего управления. Кредиторы, особенно крупные финансовые институты, заинтересованные в восстановлении платежеспособности должника для максимизации возврата требований, могут через решения собрания кредиторов санкционировать предоставление новых займов, отсрочек, реструктуризацию задолженности на выгодных для восстановления бизнеса условиях или даже прямое инвестирование средств в реорганизацию предприятия. Правосубъектность сообщества создает для этого необходимые правовые предпосылки и организационные рамки, превращая его из пассивного контролера в активного участника реабилитационного процесса.

Представляется перспективным признание единого цифрового профиля «Кредиторское сообщество» на государственных платформах электронного правосудия (например, «Мой Арбитр») и Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ) как логичный

и технически осуществимый шаг. Все процессуальные действия, решения собраний и комитета кредиторов, заявления от имени сообщества, документооборот с арбитражным управляющим и судом могут концентрироваться в рамках этого единого цифрового профиля. Это резко повышает прозрачность и скорость процедур: любой участник конкурсного процесса видит актуальный статус инициатив и решений кредиторского сообщества в режиме реального времени. Автоматизируется информирование всех кредиторов о решениях органов сообщества и ходе споров, инициированных от его имени.

Признание кредиторского сообщества как единого субъекта отношений несостоятельности является мощным сигналом для иностранных инвесторов. Это повышает доверие к российской правовой системе как к защитнику прав всех кредиторов, способствует притоку капитала и улучшению инвестиционного климата даже в сложных внешнеполитических условиях. Так, в условиях санкционного давления, когда отдельные кредиторы (особенно из «недружественных» юрисдикций) могут действовать вразрез общим интересам кредиторов, признание приоритета коллективного волеизъявления над индивидуальным становится инструментом защиты целостности процедуры российского банкротства от деструктивных действий, продиктованных политическими мотивами отдельных иностранных участников.

Кроме этого, признание правосубъектности кредиторского сообщества облегчает взаимодействие в трансграничных банкротствах. Российское кредиторское сообщество может выступать как единый признанный субъект в иностранных юрисдикциях при признании российских процедур или участии в иностранных, упрощая координацию и защиту интересов российских кредиторов за рубежом. Это повышает авторитет российской правовой системы и способствует развитию международного сотрудничества в сфере банкротства.

Резюмируя все изложенное, следует отметить, что признание правосубъектности кредиторского сообщества влечет глубокую позитивную трансформацию на всех уровнях. На микроуровне это выражается в устранении процессуальных коллизий, оптимизации судопроизводства, сбалансировании прав кредиторов и установление ответственности органов сообщества. На макроуровне стратегические последствия для Российской Федерации проявляются в повышении эффективности банкротства как инструмента экономической политики государства (снижение судебной нагрузки, рост фискальной эффективности), упрощении и повышении успешности реструктуризации компаний, создании мощного катализатора для цифровизации процедур банкротства через формирование единых цифровых профилей и автоматизацию процессов, а также в укреплении инвестиционного климата, гармонизации с международными стандартами и усилении позиций России в трансграничных отношениях в сфере несостоятельности.

Таким образом, предлагаемое признание служит не только теоретическим обоснованием природы кредиторского сообщества, но и практическим фундаментом для построения более эффективной, технологичной и соответствующей государственным и международным вызовам системы банкротства в России. Дальнейшая разработка конкретных механизмов реализации этой правосубъектности, включая создание цифрового профиля кредиторского сообщества, представляет собой актуальную задачу для законодателя и правоприменительной практики.

Заключение

Проведенное исследование правовой природы кредиторского сообщества в процедуре

банкротства доказывает его объективное существование в качестве самостоятельного коллективного субъекта правоотношений, обладающего системой универсальных признаков правосубъектности, несмотря на отсутствие формального признания в действующем законодательстве.

Кредиторское сообщество, как это следует из проведенного анализа, не является абстрактной конструкцией или теоретической фикцией – оно реально функционирует через организационное единство, воплощенное в структуре органов (собрание и комитет кредиторов); способность к формированию единой воли, выражаемой в решениях, обязательных для всех участников сообщества (включая субординированных и зареестровых кредиторов); функциональную связь с конкурсной массой как обособленным имуществом; внешнюю индивидуализацию в процессе, подтверждаемую судебной практикой (например, при оспаривании сделок должника, где истцом признается единое сообщество, а не отдельные кредиторы).

Природа данного образования принципиально отличается от гражданско-правового сообщества (ст. 181.1 ГК РФ) и иных классических объединений лиц (юридических лиц, товариществ), что обусловлено его сущностными характеристиками: во-первых, кредиторское сообщество возникает *ex lege* (в силу прямого предписания закона) на период процедуры банкротства, а не исключительно на основе добровольного волеизъявления участников; во-вторых, его цель императивно определена законодателем как максимальное удовлетворение требований кредиторов (ст. 2 Закона о банкротстве), а не устанавливается договором.

Практическая значимость исследования заключается в последовательном обосновании необходимости законодательного признания правосубъектности кредиторского сообщества через три ключевых механизма: установление монополии его органов на инициирование требований, влияющих на конкурсную массу (включая оспаривание сделок и привлечение к субсидиарной ответственности), внедрение финансово-процессуальных сдерживающих инструментов, таких как отнесение судебных расходов на конкурсную массу при исках органов сообщества и возложение персональной финансовой ответственности на кредиторов, действующих вопреки решениям сообщества, а также цифровизацию правового статуса путем создания единого профиля в ЕФРСБ, обеспечивающего прозрачность решений и автоматизацию процедурных и процессуальных действий. Макроправовые последствия такого признания носят системный характер: в экономической сфере это ускорит реструктуризацию компаний за счет консолидации решений кредиторов и снизит судебную нагрузку, а в международно-правовом аспекте упростит трансграничные банкротства путем признания российского кредиторского сообщества единым субъектом в иностранных юрисдикциях и нейтрализует санкционные риски через приоритет коллективной воли над действиями отдельных «недружественных» кредиторов.

Таким образом, кредиторское сообщество объективно существует в рамках института банкротства, а его законодательное признание в качестве субъекта *sui generis* представляет собой не создание новой конструкции, а адекватное отражение сложившейся правовой реальности, формируя основу для сбалансированной модернизации законодательства, гармонизирующющей частные интересы кредиторов с публично-правовыми целями обеспечения экономической эффективности процедур несостоятельности.

Библиография

1. Ayotte K., Morrison E.R. Creditor Control and Conflict in Chapter 11 // The Journal of Legal Analysis. 2009. № 2. Р. 511-551.
2. Есманский А.А. Реструктуризация задолженности: как защитить интересы независимых кредиторов // Закон. 2023. № 4. С. 90-104.
3. Будылин С. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 41-55.
4. Согоян Д.П. Кредиторское сообщество в правоотношениях несостоятельности (банкротства): опыт России и зарубежных стран // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. № 1. С. 110-121.
5. Шевченко И.М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) // Закон. 2023. № 4. С. 118-127.
6. Гаевский С.В. Реабилитационный механизм на стадии предупреждения и восстановительной стадии процесса несостоятельности (банкротства) юридического лица: отличительные особенности // Вестник арбитражной практики. 2024. № 6. С. 3-19.
7. Кресс В.В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 2-7.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 3. М., 1912. 814 с.
9. Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М.: Волтерс Клувер, 2008. 176 с.
10. Гинцбург Л.Я. Трудовое законодательство: права, обязанности, сфера действия // Советское государство и право. 1971. № 11. С. 42-49.
11. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.
12. Шахов В.Д. Механизм самоуправления трудового коллектива (организационно-правовые проблемы). Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1990. 215 с.
13. Мозолин В.П. Система российского права (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107-113.
14. Луганцев В.М. Коллективные субъекты трудового права // Советское государство и право. 1984. № 4. С. 63-67.
15. Виндшейд Б. Учебник пандектного права / Соч. проф. Гейдельберг. ун-та Виндшейда. Общая часть. Санкт-Петербург: Гиероглифов и Никифоров, 1874. 358 с.
16. Виндельбант В. О свободе воли. Санкт-Петербург: В.В. Битнер, 1904. 112 с.
17. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. Санкт-Петербург: ООО Издательский Дом "Алеф-Пресс", 2015. 542 с.
18. Гирке О. Немецкое частное право. Берлин, 1895. 897 с.
19. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. М.: Статут, 2003. 318 с.
20. Крипак И.И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. 225 с.
21. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права". М.: Статут, 2000. 780 с.
22. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздан, 1962. 213 с.
23. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М., 1999. 539 с.
24. Ибрагимов К.Ю. Феномен юридического обосновления имущества в частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 194 с.

25. Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 28-28.
26. Останина Е.А. Имущественная обособленность физического лица и последствия, с ней связанные // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 48-74.
27. Захарова Е.И. Имущественная обособленность коммерческих организаций как признак юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 214 с.
28. Стойкина Ю.В. Имущественная обособленность как конструктивный признак коммерческой организации: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2002. 175 с.
29. Кантор Н.Е. Применение business judgment rule в спорах о гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 165-182.
30. Шевченко И.М. Некоторые вопросы обращения взыскания на имущество супругов-созалогодателей в делах о банкротстве // Российский судья. 2020. № 6. С. 3-8.
31. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. 990 с.
32. Микрюков В.А. Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2025. 694 с.
33. Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 285-311.
34. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 432 с.
35. Коркунов Н.Н. Русское государственное право: пособие к лекциям. В 2 т. Т. 2. 6-е изд. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 748 с.
36. Рождественский А.А. Теория субъективных публичных прав. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1913. 290 с.
37. Слыщенков В.А. Участие государства в отношениях, регулируемых гражданским правом: к вопросу о правовом положении государственных органов // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 58-91.
38. Шайдуллин А.И. Особенности участия связанных с должником кредиторов в процедурах банкротства // Закон. 2020. № 9. С. 53-65.
39. Османова Д. О. Правовой режим основных множественностей в процедуре банкротства // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 17-29.
40. Frosio G. User Patronage: The Return of the Gift in the "Crowd Society" // Michigan State Law Review. 2015. № 5. 2039 p.
41. Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 66-78.
42. Фокин Е.А. Защита прав участников рынка ценных бумаг органами конституционного и международного правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 128-139.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам правосубъектности кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности. Автором раскрывается сущность данного сообщества с точки зрения частного права, критически анализируется подход к тому, что кредиторское сообщество в отношениях несостоятельности приравнивается к модели гражданско-правового сообщества. Кредиторское сообщество рассматривается как носитель универсальных признаков субъекта права, раскрывается уникальность кредиторского сообщества, изучается практическая реализация правосубъектности кредиторского сообщества, раскрываются микро- и макроправовые последствия признания правосубъектности кредиторского сообщества. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения законодательства, мнения ученых, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Целью является проверка гипотезы о том, что кредиторское сообщество в процедуре банкротства обладает совокупностью таких признаков, позволяющих рассматривать его как особого носителя свойств субъекта права». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора:

«Организационное единство кредиторского сообщества находит свое институциональное воплощение в законодательно установленной структуре органов: собрания кредиторов (как высшего органа волеобразования) и избираемого им комитета кредиторов (как представительного органа) (статьи 12, 17 Закона о банкротстве). Данные органы не выполняют лишь координационную функцию; они легитимно представляют кредиторское сообщество как целостность в отношениях с арбитражным управляющим, должником и судом. Их решения, принятые в установленной законом процедуре, обладают нормативной силой и обязательны для всего круга лиц, признанных участниками сообщества, включая кредиторов без права голоса (субординированные, зареестровые), но сохраняющие процессуальный статус лица, участвующего в деле».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики. В частности, делается следующий авторский вывод: «судебной практикой признается за кредиторским сообществом субъективное право требовать взыскания кредиторских убытков (определение Верховного Суда РФ от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018); субъективное право требовать признания незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего, отстранения его от исполнения обязанностей (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.11.2024 № Ф09-2062/19 по делу № А60-51084/2018); право выбора определенной стратегии получения удовлетворения требований кредиторов (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.03.2023 № Ф09-10194/22 по делу № А71-6361/2020) и т.д».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правосубъектности кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности сложна и неоднозначна. Действительно, кредиторское сообщество обладает определенными правами и обязанностями в деле о несостоятельности, однако его правосубъектность вызывает вопросы, требует уточнения. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Правовая природа указанного сообщества остается недостаточно исследованной в доктринальных источниках. Существующие научные труды, в которых косвенно затрагивается феномен кредиторского сообщества, преимущественно редуцируют его сущность до модели гражданско-правового сообщества. Данный вывод конструируется, главным образом, на основе буквального толкования п. 2 ст. 181.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), где кредиторы при банкротстве рассматриваются как участники гражданско-правового сообщества».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Кредиторское сообщество, как это следует из проведенного анализа, не является абстрактной конструкцией или теоретической фикцией – оно реально функционирует через организационное единство, воплощенное в структуре органов (собрание и комитет кредиторов); способность к формированию единой воли, выражаемой в решениях, обязательных для всех участников сообщества (включая субординированных и зареестровых кредиторов); функциональную связь с конкурсной массой как обособленным имуществом; внешнюю индивидуализацию в процессе, подтверждаемую судебной практикой (например, при оспаривании сделок должника, где истцом признается единое сообщество, а не отдельные кредиторы)».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«Практическая значимость исследования заключается в последовательном обосновании необходимости законодательного признания правосубъектности кредиторского сообщества через три ключевых механизма: установление монополии его органов на инициирование требований, влияющих на конкурсную массу (включая оспаривание сделок и привлечение к субсидиарной ответственности), внедрение финансово-процессуальных сдерживающих инструментов, таких как отнесение судебных расходов на конкурсную массу при исках органов сообщества и возложение персональной финансовой ответственности на кредиторов, действующих вопреки решениям сообщества, а также цифровизацию правового статуса путем создания единого профиля в ЕФРСБ, обеспечивающего прозрачность решений и автоматизацию процедурных и процессуальных действий».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования»,

так как она посвящена правовыми проблемами, связанным с правосубъектностью кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели работы, указав на конкретные направления совершенствования института кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Останина Е.А., Есманский А.А., Будылин С., Кресс В.В., Пономарева Е.В. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области несостоятельности (банкротства). Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов судебной практики, что позволило придать исследованию правоприменимительную направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к перспективным направлениям развития законодательства в части регулирования кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»